

Нет автора

Русское слово

1862. 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1862. 2 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 512 с.

ISBN 978-5-458-02983-4

ISBN 978-5-458-02983-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Глухой городокъ. МАРКО-ВОВЧКА.
 ✓ Аринушка (повѣсть, окончаніе). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
 ✓ Физиологическія картины. Д. И. ПИСАРЕВА.
 * * (стих.). А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.
 ✓ Людвигъ Спиттлеръ.
 Фрина (стих.). ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.
 ✓ Приключенія Филиппа (романъ ТЕККЕРЕЯ).

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Финансовыя элквибраціи Фульда. — Репутація его виѣстъ съ Дюмоларомъ въ парижскихъ общественныхъ кружкахъ. — Лечение биржевой игрой финансоваго недуга. — Тронныя рѣчи императора Французовъ и королевы англійской. — Процессъ Анны Гампльтонъ. — Курьезный процессъ лорда Уильяма. — Лордъ Пальмерстонъ и его билль о передачѣ собственности. — Быстрая перемѣна англійской политики относительно Америки. — Побѣды федеральной партіи и планы конгресса относительно завоеваній. — Внутренняя связь между мексиканской экспедиціей и отпаденіемъ южныхъ штатовъ. — Походъ въ Мексику и храброе сопротивленіе Мексиканцевъ. — Вопросъ о будущемъ мексиканскомъ королѣ. — Отсутствие новостей изъ Италіи. — Ложная система дѣйствій Ривасоли и недовѣріе итальянской націи къ піемонтскому парламенту. — Наводненіе въ Венгрии и засуха въ австрійской политикѣ. — Двойственное поведеніе Пруссіи относительно Германіи. — Значеніе демократической партіи въ Берлинѣ и неумѣнье ея обращаться съ современными вопросами. ЖАКЪ-ДЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

- Д. И. ПИСАРЕВА 1. ✓
 Поэтъ-философъ Веневитиновъ и биографъ-критикъ
 г. Пятковский 28. ✓
 Ложныя и отреченныя книги русской старины. Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы»,
 выш. 3-й А. Н. ПЫПИНА 42.
 Русскій Донъ-Кихотъ (соч. И. В. Кирѣевского I и II т.
 Москва 1861 г.). Д. И. ПИСАРЕВА. 88.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. АМЕРИКАНСКІЙ КРИЗИСЪ И ВЛІЯНІЕ ЕГО НА ЕВРОПЕЙСКІЯ ДѢЛА. 1. AMERICAN CRISIS, AND ITS PROSPECTS. London. 1861.

2. UTILITARIANISM. By J. S. Mill. Fraser's Magazine.

1861. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА 1.

ОТДѢЛЪ III.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ **СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ** отлагается до будущаго мѣсяца.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Мой трепетъ передъ призракомъ общественнаго мнѣнія. — Роковая скамья подсудимыхъ и общественное чело. — Русскіе скептики и ихъ тенденціи. Нѣчто о демоническихъ натурахъ. — Кто сомнѣвается въ русскомъ прогрессѣ? Ода прогрессу. — Разница между скептицизмомъ нѣмецкаго Фауста и русскаго Собакевича. — Два слова о Никитѣ Безрыловѣ и Викторѣ Аскоченскомъ. — *Два бойца* — мимолетная импровизація. — Домашній литературный вечеръ и его составъ. — Общественное мнѣніе въ лицахъ. — Старая княжна и юный господинъ. — Парикъ допотопнаго поэта и увлеченіе институтки. — Темный человекъ передъ судомъ избраннаго общества. — Мои надежды и окончательное поражение. — Литературныя чтенія — какъ одна изъ казней моды. — Мое злорадство. — Сказаніе о вѣкомъ Охочекомоннѣ и объ его кулачной расправѣ съ петербургскими профессорами. — Уступка Охочекомонны въ пользу з-жи Толмачевой и одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова. — Счастливая гвѣзда г. Печаткина. — Гимнъ Библиотекѣ ММ. Чтенія. — Причятанья журнальной маски (З—на) надъ дѣвкой Добролюбова. — Можно ли ставить памятники людямъ, которыхъ фамилія писалась черезъ маленькую букву? — Мой проектъ объ открытіи подписки на пожизненныя экземпляры Зорину, З—ну, и Охочекомоннѣ. — Осужденіе статей Добролюбова и его друзей. — Тенденціи г. З—на и дочери становаго. — Жалоба усталой красавицы. — элегія. — Смѣлость могильныхъ червей. — Кто-то? — Лирическое восклицаніе къ псевдониму. — Фантастическая сцена гласнаго суда Добролюбова. — Г. Лермантовъ и г-жа Кобылова. — Протестъ послѣдней. — Я, какъ адвокатъ обвиненнаго. — Моя блестящая рѣчь о собственности и кражѣ. — Почему г. Лермантовъ назвалъ *Неожиданное богатство* — *Легкимъ богатствомъ*? — Масляница и ея удовольствія въ Петербургѣ. — Послѣдній маскарадъ въ Большомъ театрѣ и его характеръ. Сцена въ буетѣ, гдѣ я опять являюсь адвокатомъ, но неудачнымъ. — Не рѣшенный вопросъ: кто долженъ больше обижаться: тотъ-ли, кого бьютъ, или тѣ, которые смотрятъ, какъ бьютъ?! — Мои маскарадныя иллюзіи. — Маскарадный мотивъ — стихотвореніе. — Петербургская начальница и ея классическое: *встаньте!* — Нѣчто о скоромъ торжествѣ буквы **Ъ**.

Шахматный листокъ (за февраль) В. М. МИХАЙЛОВА.

Премія: 3-й выпускъ «Памятниковъ старинной Русской литературы», изд. подъ редакцію А. Н. Пыпина и 1-й томъ соч. Л. Мея отправлены подписчикамъ, вслѣдъ за янв. книжкой Русскаго Слова.

ГЛУХОЙ ГОРОДОКЪ.

(М. М. С.)

1.

Жиль былъ въ городкѣ Н. городничій Эрастъ Антиповичъ Малимоновъ, человекъ сѣдоусый, чернобровый, коротко волосы стригъ, славно одѣвался; говорилъ про себя, что онъ роду почтеннаго и что сердце у него доброе; называлъ деньги благомъ земнымъ, просителей—принесителями, вишневку—утѣхою, а жену свою—помѣхою; всегда почти былъ веселъ, шутливъ, говорливъ въ гостяхъ и дома не бывалъ буень; любилъ у себя гостей принимать и самъ любилъ въ гостяхъ бывать, сердился онъ часто да не надолго: «я въ батюшку покойнаго» говаривалъ Эрастъ Антиповичъ «у меня сердце отходчивое, и ни крошки я не злопамятенъ.»

Жена у Эраста Антиповича была очень полная женщина и все рассказывала, какъ она худа была назадъ тому два года — даже годъ. Она читала всякія книги, а еще больше любила сидѣть съ книгой въ рукахъ подъ окномъ и глядѣть на улицу. Она любила наряжаться, любила милыхъ людей и отъ нихъ вниманіе. «Конечно—говаривала она—конечно, отъ всякаго вниманіе пріятно, но отъ милаго, душевнаго

Отд. I.

1

человѣка вдвое,—отъ милаго, душевнаго человѣка самая малость меня трогаетъ.» Она была хозяйка радушная и любезная: угощала, подчивала, рассказывала, что она дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ, что съ ней случилось и чего не случилось, что ей по сердцу и что не по сердцу; она щурила глаза и улыбалась; опускала глаза и вздыхала. Сколько ей лѣтъ она никогда не говорила, а еслибы захотѣла сказать, такъ сказала бы, что ей подъ сорокъ. Она бѣднымъ подавала, а богатыхъ чествовала; пригорюнивалась, когда рѣчь заходила о строгомъ отцѣ или о строгой матери, о приневоленной невѣстѣ, хотя ее самую ни отецъ, ни мать не неволили, и замужъ она пошла за Эраста Антиповича по своей охотѣ, безъ слезъ. Пригорюнивалась она тоже, когда рѣчь заходила о лихомъ мужѣ, о несчастной женѣ, хотя ея мужъ лихъ не былъ, а она почивала крѣпко, кушала въ сласть—гдѣ жъ подобье несчастной женѣ? Но она все-таки къ несчастной женѣ себя приравнивала. Нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ мужу:

— Зачѣмъ я за тебя замужъ шла? Лучше бы я не ходила за тебя замужъ!

— Твоя воля была, Павла Андреевна, отвѣтитъ Эрастъ Антиповичъ.

— Лучше бы я за другаго пошла! сѣтуетъ Павла Андреевна.

— Пора бы тебѣ ужъ это изъ головы выбросить, Павла Андреевна!

— Что такое пора? Я, слава Богу, еще не столѣтняя кажется, вамъ на зло я не старѣюсь! Кто меня ни увидитъ, всѣ мнѣ удивляются: какъ вы молодѣете, какъ вы молодѣете, Павла Андреевна! такъ и ахаютъ всѣ!

— Ты не вѣрь никому.

— Вамъ, конечно, никогда не повѣрю, Эрастъ Антиповичъ, и всегда буду думать до самаго гроба, отчего я не пошла за когонибудь лучше васъ!

Если Эрастъ Антиповичъ вспыхнетъ и отвѣтитъ на это: лучше-то и взяли себѣ лучшихъ, а я тебя!—то Павла Андреевна заплачетъ и станетъ причитать; у Эраста Антиповича сердце отойдетъ—онъ и начнетъ уговаривать и увѣрять, что пошутилъ и кается, что шутка его глупая; но Пав-

ла Андреевна долго, долго плачетъ, а если Эрастъ Антиповичъ отерпитъ и ничего не отвѣтитъ, а начнетъ ходить по гостиной да насвистывать пѣсенку, ходить, ходитъ, насвистываетъ, насвистываетъ, остановится у двери, оглядываетъ дверь и вдругъ войдетъ въ залъ; въ залъ походить, посвистеть, тоже остановится около двери, тоже ее оглянетъ и вдругъ войдетъ въ свой кабинетъ, притворитъ за собою двери и тамъ притаится. Павла Андреевна повздыхаетъ, повздыхаетъ и займется чѣмъ нибудь инымъ, и все кончится тихо и благополучно.

У Малимоновыхъ домъ былъ новый, свѣтлый. Стѣны бѣлыя, а ковры на полу съ яркими цвѣтами. Изъ оконъ на улицу видны были городскіе домики да колокольня! четыре окна были на улицу, а шесть оконъ въ садъ; въ саду пестрѣли всякіе цвѣты, зеленѣли раскидистыя яблони, груши, липы, тополи; и калина росла тамъ, и бузина, и сирень, и акаціи, и глогъ, и черемуха, вишни, черешни, шелковица; садъ былъ большой, густой, въ саду была и пасека; къ пасекѣ вела отъ дома дорожка, посыпанная пескомъ, гладкая, убитая, и еще были двѣ такіхъ: дорожка влѣво одна, другая на право, за то тропинокъ много выдось, скрещивалось и перекрещивалось по саду.

Павла Андреевна всегда ходила по гладкимъ дорожкамъ; Эрастъ Антиповичъ тоже; казакъ садовникъ больше лежалъ чѣмъ ходилъ. Кто жъ проложилъ тропинокъ столько? У Малимоновыхъ жила ихъ дальняя родня, молодая дѣвушка Настя.

Настина мать доводилась Павлѣ Андреевиѣ двоюродной сестрой; когда-то онѣ долго жили вмѣстѣ, были подругами, потомъ разъѣхались въ разныя стороны и долго не видались. Павла Андреевна слышала, что двоюродная сестра вышла замужъ за богатаго и хорошаго человѣка и что живетъ очастливо, и вдругъ Павла Андреевна получаетъ отъ нея письмо—предсмертное письмо; она писала, что разворилась въ конецъ, что у ней дѣти померли, мужъ умеръ, и что сама она при смерти, и просила Павлу Андреевну по старой дружбѣ взять къ себѣ ея дочку Настю, а съ Настей ея свояченицу, мужнину сестру, вѣрнаго и неизмѣннаго ея друга. Она про-

*

сила ваять ихъ на время, пока кончится тяжба у оваченицы за хуторокъ. Выиграютъ тяжбу, писала она, Настя съ свояченицей переселятся въ этотъ хуторокъ на житье.

Когда это письмо пришло къ Павлѣ Андреевнѣ, ея двоюродная сестра уже умерла и была похоронена. Павла Андреевна очень огорчилась ея смертью; со слезами стала рассказывать мужу о покойницѣ; известно, какъ только человекъ въ землѣ, такъ всё его добродѣтели припомнятся:—мужъ слушалъ и жалѣлъ, и утѣшалъ ее тѣмъ, что это воля Божья.

Сейчасъ же послали лошадей за Настей и за Лизаветой Сергѣевной; покойницину свояченицу звали Лизаветой Сергѣевной.

Онѣ прѣехали черезъ три недѣли. Встрѣтили ихъ ласково, радушно.

Эрастъ Антиновичъ потиралъ руки, спрашивалъ о дорогѣ и говорилъ, что всякое горе проходитъ. Павла Андреевна вздыхала, подчивала чаемъ, вспоминала покойницу, прошлое время и утирала слезы; брала Настю на колѣни и спрашивала у ней, что она больше всего любитъ.

Лизавета Сергѣевна была кроткая, но недюжимая, невеселая и не словоохотливая дѣвушка. Глаза у ней были черные, большіе, погасшіе и тихіе; лицо безъ кровинки—блѣдно и прозрачно точно восковое; улыбалась она хорошо, ласково и добро. Ходила она вся въ черномъ и строго постилась, подолгу молилась; ухаживала за Настей, учила ее, берегла.

Настя помнила, что когда были въ живыхъ отецъ и мать, сестры и братья, жили они въ деревнѣ, въ большомъ, каменномъ домѣ. Какой этотъ домъ былъ уютный и славный! Мать и отецъ были не строгіе; братья и сестры шалуны, тетенька Лизавета Сергѣевна была веселая. Тогда она игрывала съ ними, дѣтьми, въ жмурки, въ горѣлки; учила ихъ, нетерпѣливо топала ножками; тогда съ нея писали портретъ въ розовомъ платѣ, съ розаномъ въ волосахъ; тогда она носила на рукѣ золотое кольцо, ждала гостей, была такая румяная. Потомъ всё въ домѣ померли; деревню продали. Все это случилось не вдругъ, а понемногу. Настя помнила, какъ стоялъ въ домѣ первый гробикъ, потомъ другой гробикъ, и какъ послѣ тише стало въ домѣ. Отецъ ужъ не игралъ на скрипкѣ *горлицу*, а игралъ

чулки; мать тихо разговаривала съ теткой; два брата не могли вдвоемъ поднять такого шума, какой поднимался у нихъ вчетверомъ. Потомъ въ домъ гробикъ. еще; потомъ большой гробъ, за нимъ оная маленькій, а за маленькимъ оная большой. Все утихло въ домъ; просторный, пустой и холодный стало. Осталась Настя одна съ теткой и прожила съ ней пять недѣль. Настя точно другаго человѣка увидѣла тогда. Тетка ее учила и не сердилась за шалости, только отговаривала; золотое свое кольцо она или спрятала, или потеряла; она укладывала Настю въ кроватку, цѣловала ей ручки и ножки, но ни разу не пощекотала ее какъ бывало прежде, не смѣялась, не представляла буку и не сказывала охапку про волка,—она стала ровна и тиха, терпѣлива и печальна. Настя на нее глядѣла и ей шалости на умъ не шли.

Черезъ пять недѣль онѣ переѣхали на житье къ Малимоновымъ. Когда обжились вмѣстѣ, оглядѣлись, Павла Андреевна медовольна стала: Лизавета Сергѣевна была черезъ-чуръ ужъ нелюдима, тиха, скрытна, а Настя черезъ-чуръ своенравна, смѣла, рѣзва и вспыльчива.

— Что жъ это такое? говорила Павла Андреевна мужу о Лизаветѣ Сергѣевнѣ — никогда она со мной не поговорить откровенно; даже погулять вмѣстѣ по саду ни разу не пожелала; даже ни разу не пришла, не посидѣла со мной хотя часочекъ—все въ своей комнатѣ или Богу молится, или возится съ Настей, что же это мнѣ за жизнь съ ней?

— Да жила жъ ты безъ ея разговоровъ и безъ нея, — ну и теперь...

— Ты вѣчно съ совѣтами! Я не могу переносить...

— А Настя что? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Это ужасная дѣвочка! Она совоимъ, совоимъ меня не слушается! Настя, не гляди въ окно! Она глядитъ. Настя, побѣгай! Она не бѣгаетъ. Настя, кушай! Не ѣсть; а скажешь: не ѣшь! она такъ и проглотить. Вчера, напримѣръ, какъ она меня разстроила: слышу я что-то пищить гдѣ-то; неужели у меня мыши въ гостиной? Я слушаю, слушаю... Пищить. Я кошку велѣла принести, беспокоюсь, наблюдаю... Наконецъ я разобрала съ какой стороны пискъ—тамъ Настя сидитъ; глянула я на нее.—такое у ней лукавство на личикѣ,

глазки такъ и бѣгаютъ.—Чего ты здѣсь сидишь все, Настя? Иди, кошкѣ не мѣшай. Она въ другой уголокъ перешла и вдругъ оттуда пискъ—пикъ... Такъ это ты? Шалуныя ты, говорю, какъ не стыдно тебѣ, не совѣстно! Она съелась таного изъ себя мышечка представила,—знаешь, какая она хорошенькая, зубки какіе, глазки какіе—и смѣется, и жмурится, и я какъ дура разсмѣялась... Однако надхожу къ ней и серьезно говорю: Настя! Она легла, прижалась къ дивану. Встань! не встаетъ. Я хотѣла поднять—такъ она и впилась въ диванъ—не могу поднять! Вставай, глухая дѣвочка, призываю тебѣ! Еще пуще вливается въ диванъ. Вставай сейчасъ! Не встану! отвѣчаетъ, а глазѣнки какъ уголья, сама такъ вся и распушилась отъ сердца.. Я на нее гляжу и она на меня глядитъ, прямо, прямо на меня глядитъ, хоть бы моргнула! Ахъ, какая дерзкая дѣвочка... и убѣжала!

Эрастъ Антиповичъ молчалъ, глядѣлъ внизъ и украдкой усмѣхнулся раза два.

— Что жъ ты молчишь? спросила Павла Андреевна. Какъ тебѣ это покажется?

— Ребенокъ еще, проговорилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Такъ я и знала! Такъ я и знала! Ты пристрастился къ этой дѣвочкѣ! Ты ее балуешь. Пожалуйста, не отговаривайся.

Эрастъ Антиповичъ не отговаривался и скрылся въ своемъ кабинетѣ.

Павла Андреевна обижалась на Лизавету Сергѣевну и сердилась на Настю.

Разъ утромъ Павла Андреевна вошла къ Лизаветѣ Сергѣевнѣ, спросила—какъ ваше здоровье? сѣла и поглядѣла кругомъ.

Комната была чистая, свѣтлая, но не веселая: въ углу узенькая кровать, надъ кроватью большое распятіе, два стула плетеныхъ, комодъ, большой столъ передъ окномъ, а на столѣ книги въ черныхъ переплетахъ и начатая работа—полотняная рубашка.

Павла Андреевна подвинулась поближе къ окну; окно было въ садъ—тамъ зеленѣло, нестрѣло, шумѣло, шелестало,

нахло травами, цвѣтами, ягодами; слышно было чирканье и щебетанье птичье и Настинъ голосокъ.

— А гдѣ жъ красное кресло дѣлось? спросила Павла Андреевна.

— Я его вынесла, оно мнѣ лишнее было, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— А зеркало у васъ... разбилося?

— Нѣтъ, мнѣ его не надо.

Павла Андреевна поглядѣла на нее во всѣ глаза.

— Неужели вы всегда такъ жили? спросила она, и всегда вы такъ жить будете?

— Мнѣ такъ хорошо, отвѣчала ей Лизавета Сергѣевна.

— Вы очень нелюдимы, Лизавета Сергѣевна, сказала Павла Андреевна. Мнѣ это обидно и грустно... въ моемъ домѣ, вы меня за что-то не любите. Какъ можно! этакая скрытность, этакая нелюдимость! Весело развѣ? Какъ вы нелюдимы! Вѣдь я правду говорю, что вы нелюдимы?

— Да, я нелюдима, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— Вы бросьте это, пожалуйста. Вамъ надо совсѣмъ перемѣниться. Перемѣнитесь, милая Лизавета Сергѣевна!

— Я перемѣниться не могу, отвѣчала Лизавета Сергѣевна тихо и кротко, такъ отвѣчала, что и Павла Андреевна понизила голосъ и повторила: не можете!

— Не могу.

Павла Андреевна хотѣла сказать ей—попробуйте! а сказалось: вы не тоскуйте!

Лизавета Сергѣевна отвѣтила: Богъ мнѣ поможетъ.

— Не обезпокоила ли я васъ? спросила Павла Андреевна.

— Нѣтъ.

— Нравится ли вамъ эта комната, Лизавета Сергѣевна?

— Нравится.

— А у Насти хорошо?

— Хорошо, посмотрите.

Лизавета Сергѣевна встала и растворила дверь въ другую комнатку съ бѣленькой, мягкой постелькой, съ розовыми занавѣсками на окнахъ, съ яркимъ ковромъ на полу. На столѣ сложены были книжки, тетрадки, отомла картонная башня, кошка съ стеклянными глазами и саночки; передъ са-

мымъ окномъ росла бѣлая акація; сквозь ея гнѣздя вѣтви солнце такъ и било въ комнату; залетѣвшая пчелка жужжала на окнѣ; на подоконникъ то и дѣло вспархивала какая-то сѣренькая птичка съ темными глазками—вспорхнеть, ~~чи-~~рикнеть и улетитъ, и опять вспорхнеть.

— Какая смѣлая птичка! сказала Павла Андреевна.

— Настя ее приучила, отвѣтила Лизавета Сергѣевна.

— Страшная рѣзвуха Настя! сказала Павла Андреевна.

— Да, отвѣчала Лизавета Сергѣевна и вздохнула.

Павла Андреевна хотѣла что-то еще сказать о Настѣ, но поглядѣла на Лизавету Сергѣевну и ничего больше о Настѣ не сказала.

— Извините, что обезпокоила васъ, Лизавета Сергѣевна, проговорила она еще разъ. Еще разъ спросила, не надобно ли чего и очень смиренно простилась и ушла.

— Никогда больше я къ ней не пойду, развѣ заболѣетъ она, сохрани Боже, говорила Павла Андреевна мужу. Вообрази— кресло, коверъ, зеркало, картины — все изъ своей комнаты она повыкидала—точно келья теперь. Черныя книги... Сидитъ, шьетъ сама рубашку. Сердце такъ у меня заныло. Такъ вотъ и чудится, поютъ «со святыми упокой». Страшно, ужасъ! И жалко ее. Жалко было даже о Настѣ поговорить; еще огорчится, такъ я ничего о Настѣ и не сказала. Да правда, я и сама могу распорядиться съ Настей... могу и сама наказать.

Но когда она хотѣла Настю наказать, поставить въ уголъ, у Настя покатались слѣзы и она закричала, что ее обидѣли, что ее обижать никто не смѣетъ. Павла Андреевна не рада была, что ее затронула—стала ее ласкать, надѣлять конфектами. Настя всѣ ласки оттолкнула и разбросала всѣ конфекты; ее не могла ничѣмъ успокоить и Лизавета Сергѣевна—она и уснула въ слезахъ.

Думала Павла Андреевна, что на другой день Настя укромится и попроситъ у ней прощенья, но Настя прощенья у ней не попросила и отъ нея бѣгала, и какъ-то такъ случилось, что Павла Андреевна первая ее приласкала и купила еще ей куклу.